

Оглавление

Пятница, 5 января	7
Суббота, 6 января	35
Воскресенье, 7 января	99
Понедельник, 8 января	139
Вторник, 9 января	187
Среда, 10 января	221
Пятница, 12 января	263

Пятница, 5 января

1

Обшлага кожаной куртки заместителя комиссара криминальной полиции Дэниеля Трокича заиндевели, его черные волосы припорошил снег, щеки щипало от мороза. В стремительном течении речной воды тонули мириады больших тяжелых снежинок. Освещенное прожекторами детское тело покачивалось, как в колыбели, на переплетении из ветвей, склонившихся до самой воды. Ветер сорвал укутавшее его снежное покрывало, и можно было разглядеть длинную куртку и маленькое, безжизненное, бескровное лицо, на котором проступали голубые прожилки. Тонкая мальчишеская шея была обмотана рыболовной леской. В морозном воздухе чувствовался слабый запах гари. Запах, исходивший от опаленных волос и одежды и от сильных ожогов на руках мальчика.

Трокич прошел через ограждение и направился навстречу комиссару криминальной полиции Эйерсуну, который уже успел разжиться стаканчиком горячего кофе в машине криминалистов. Дело происходило примерно в полукилометре от городка Морслет, вытянувшегося вдоль речки Гибер О. В пустынном месте, где во все стороны простирались поля, казавшиеся бы бескрайними, если бы они не перемежались вкраплениями облетевших деревьев, напоминающих торчащими голыми ветками огромные метлы. Трокич попытался проследить, куда дальше ведет русло, но было слишком темно. Какое-то время они с шефом молча наблюдали за работой криминалистов и судмедэкспертов, потом Трокич решил, что пора ввести Эйерсуна в курс дела.

— Мальчику лет восемь, видно, из здешних. Зовут Лукас, исчез по дороге из школы продленного дня вчера около половины четвертого пополудни. Поисковая группа разыскивала его со вчерашнего вечера, а час назад тело обнаружила служебная собака. Корнелиус и Тауруп отправились к родителям.

— Черт побери! — пробормотал Эйерсун, мотнув коротко стриженной головой, будто пытаясь отогнать открывшуюся у него перед глазами жуткую картину. — А что это у него там на шее?

Трокич слизнул с губы крохотную снежинку, тут же растаявшую у него на языке.

— Рыболовная леска. Бак считает, что его задушили.

— Похоже, убийца торопился, и ему пришлось срочно избавляться от трупа, — предположил Эйерсун. — Иначе отвез бы его куда-нибудь подальше и закопал.

— Возможно. В любом случае, по-моему, вполне рабочая версия.

Трокич застегнул молнию до самого подбородка, ежась от промозглого ветра. Он только-только вернулся домой после тихого мирного рабочего дня, открыл бутылку вина, полистал свежую газету, и тут раздался звонок... И теперь он рассматривал пейзаж, детали которого в свете прожекторов словно бы уменьшились. Взгляд его зацепился за что-то синее — вязаная варежка, торчащая из кармана куртки. Ниже покачивалась нога в белом резиновом сапоге.

— Когда это случилось? — спросил комиссар.

— Бак говорит, мальчик пролежал здесь со вчерашнего вечера. Об этом свидетельствуют степень окоченения, характер трупных пятен и повреждения кожи от долгого пребывания в воде, но точное время наступления смерти он установить не может. Труп в точности такой же холодный, как и всё вокруг, так что температура тела нам ни о чем не скажет.

Судебный медик Торбен Бак стоял чуть ли не по пояс в воде, согнувшись над телом жертвы. Без него не обходился ни один

выезд на место происшествия. Его белая фигура почти сливалась с заснеженным пейзажем. Увидев Эйерсуна, Бак приветственно махнул обтянутой перчаткой рукой.

— Пока сложно определить, что и как произошло, — продолжил Трокич. — Метель сильно затрудняет работу. Все следы занесло. Несколько наших машин увязли по дороге, неизвестно, когда доберутся.

Непогода разыгралась накануне, ближе к вечеру. Похолодание сулило снегопад, и он не заставил себя ждать: сперва землю укрыли широким одеялом крупные плотные хлопья, затем сменившиеся мелкими снежинками, которые швырял на землю резкий вихревой ветер. Весь вечер и всю ночь бушевала жуткая метель, и снежные заносы парализовали движение на дорогах.

— Нашли свидетелей из местных? — спросил Эйерсун.

— Пока нет. Здесь ведь пустыня, точно на материковом льду. Правда, возле дороги расположено несколько домов. Сейчас отправим ребят опросить хозяев.

— Надо же такую мерзкую погодку устроить, — Эйерсун, который терпеть не мог зиму, поморщился и кивнул в сторону небольшой группы людей, негромко переговаривавшихся и притоптывавших на месте, чтобы хоть как-то согреться. — Смотрю, пресса не заставила себя ждать и на сей раз.

Трокич пожал плечами:

— Вот только нам нечего им сказать.

— Я завтра с утра пораньше соберу пресс-конференцию. Передай им это, если не отстанут. Надеюсь, они за это время никакого бреда не сочинят.

В последний раз они расследовали вместе убийство год и три месяца назад. Труп молодой женщины с перерезанным горлом обнаружили в лесу Марселисборг. Журналисты ухватились за версию, связанную с ритуальным убийством. Сейчас надо сделать все, чтобы они не нагнетали напряжение.

Трокич несколько раз бывал в Морслете. Это красивый, словно сошедший со страниц старой сказки городок рядом с Орхусом,

визитная карточка датской провинции. Городок, где не происходит никаких событий, порочащих добрую славу этих мест. Преступность на нуле. Даже взломщики в этих краях почти не водились. Местный участковый в одиночку справлялся со своей работой без какого-либо вмешательства с их стороны. Иными словами, городок служил примером для всех своих собратьев по муниципалитету. Но образцовая репутация не уберезет Морслет ни от репортеров криминальной хроники, ни от пугающих газетных заголовков.

— Черт поberi, Дэниель, он, ей-богу, на моего парня похож, когда тот был помладше, — Эйерсун ткнул крупным жестким пальцем в плечо Трокича, точно назначал своего зама ответственным за все. — Давай заканчивай тут, а в двадцать ноль-ноль у нас совещание.

На прощание он протянул Трокичу стаканчик из-под кофе и размашисто зашагал по полю, увязая в снежной целине.

Трокич вернулся к убитому. Эксперты уже убрали бóльшую часть снега и сложили его в зеленый контейнер, так что к жертве теперь можно было подойти вплотную. Снег растопят и направят на исследование в экспертно-криминалистический центр. Каштановые, с рыжим отливом волосы обрамляли мелкое застывшее личико Лукаса. На щеке красовалась проведенная лиловым фломастером линия, а губы были слегка приоткрыты, будто мальчик хотел сделать последний живительный вдох, и обнажали ряд неровных зубов. Трокич мысленно поблагодарил того, кто закрыл ребенку глаза, пусто смотревшие в равнодушное небо, когда полицейские только прибыли на место. Потом он перевел взгляд на шею, обмотанную рыболовной леской. В нескольких местах она глубоко врезалась в светлую кожу, оставив багровые отметины. Да уж, убийца постарался. Со зла? В приступе гнева? К Дэниелю подошел судмедэксперт Торбен Бак. Его седые волосы почти полностью скрывались под вязаной шапочкой, и была видна лишь часть лица.

— Его здесь убили?

— М-да, — неопределенно качнул головой Бак. — Думаю, его бросили в речку где-то ближе к городу, а сюда тело принесло течением, тут оно в ветках и запуталось. Вообще-то, по-моему, не так далеко отсюда. Куртка у него промокает, насколько я понимаю. Если бы он пробыл в воде долго, она бы намокла и утащила его на дно. — Он махнул рукой в сторону сугробов. — Надо бы его к нам перевезти. Условия для исследований здесь явно неподходящие. Я попытался найти следы кровоизлияний на коже век, на лице и слизистой во рту и глазах, но при таком освещении ничего не разглядеть. Кстати, похоже, у него царапины на шее остались.

Трокич кивнул и прошел последние пять метров к телу. И снова почувствовал жуткий запах, который не исчезал даже на морозе. У мальчика сильно обгорели руки. Крупные желто-красные пятна покрывали ладони с тыльной стороны, а пальцы напоминали небольшие волдыри. Как будто он сунул руки в огонь. Вихрь воспоминаний об охваченной войной стране пронесся в голове Трокича. В том числе и о плотном удушливом дыме, горящих зданиях и жарком пламени, пожирившем все и вся вокруг окончательно и бесповоротно.

Мальчик боролся с огнем. И этот огонь — последнее, что он видел в своей жизни. Но где? Поля и деревья лежали под гигантским белым ватным одеялом, и ничего не было видно на мили вокруг.

2

Дэниель Трокич набросил мокрую черную кожанку на крючок, вставил компакт-диск в прорезь стоящей на письменном столе мини-системы, и в кабинете зазвучали ритмы «Утренней звезды»¹ группы «Раммштайн»: тяжелые риффы заполнили помещение, и, как всегда, звуки этой музыки позволили ему привести мысли в подобие порядка.

Он только два дня как приехал с рождественских каникул в Хорватии и радовался возвращению домой, в Данию. Или, по крайней мере, домой в родной город, пусть даже с заваленными черно-серым снегом дорогами, заляпанными грязью автобусами и голодными чайками, с криками охотящимися за объедками пиццы. Впрочем, даже сейчас Орхус не утратил своего очарования. Рождество и Новый год миновали, осталось убрать гирлянды с пешеходных зон и елку с Ратушной площади, и снова начнется нормальная жизнь и с лиц горожан исчезнет предпраздничная суетливая ошалелость. Трокич прожил в Орхусе все свои без малого сорок лет и любил его без этой кричащей праздничной мишуры. Он смотрел через окно на ползущие с черепашьей скоростью машины. На обратном пути в город ему сильно повезло, многие улицы оказались закрыты для проезда из-за аварий или снежных заносов на проезжей части.

На столе лежала записка от Эйерсуна: «Прочти до начала летучки». Под запиской лежали несколько флаеров, верхний

¹ Композиция «Morgenstern» немецкой метал-группы Rammstein. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

зазывал на конкурс на лучшее приготовление суфле в шоколаде. Бряд ли достойное его внимания чтение, но кто-то, вероятно, находил в этих текстах нечто важное. Он отложил листок в сторону и обнаружил под ним отчет прибывших первыми на место полицейских, сухой и лаконичный рапорт местного участкового о результатах поисков, а также протоколы показаний первых свидетелей. В одном из последних указывалось, что Лукасу Мёрку восемь лет, в другом — восемь с половиной. Неужели и в таком возрасте счет ведут на полугодия? Росту в нем было приблизительно сто тридцать сантиметров. Трокич поглядел на лежавшую перед ним фотографию, с которой на него смотрел веселый зеленоглазый шатен. Аккуратный тонкий нос, веснушки, лукавая усмешка. Школьное фото, как указывалось на обороте. Глаза мальчика улыбались, и Трокич будто сам почувствовал, как радостно тот позировал фотографу. Трокич магнитиком прикрепил фото к доске. Эксперты еще не закончили работу, да и вскрытие Бак проведет только завтра утром.

В зале заседаний стояла тишина — два десятка сотрудников отдела «А» управления полиции Орхуса терпеливо ждали, пока Эйерсун искал пригодный к работе фломастер. Тишина, однако, была обманчивой, у многих глаза полыхали яростью и решимостью.

— Ладно, хрен с ним, — пробормотал начальник, отчаявшись найти подходящий фломастер, и выпрямил спину. — Работаем в группах в обычных составах. Наверное, излишне напоминать, что о свободных вечерах и выходных придется забыть. Сейчас во всем Морслете, да и в Орхусе тоже, не найдется родителей, которые бы не опасались за жизнь своих детей.

Он оглядел подчиненных и почесал переносицу. Эйерсуну было уже под шестьдесят, три года назад они с женой развелись, двое детей-подростков остались с матерью. После развода Эйерсун за собой особо не следил, вот и сегодня он явно не морочил голову, в чем пойти на работу. Зеленая, цвета медной патины,

футболка выглядела растянутой и, мягко говоря, неглаженной, будто после стирки ее нерасправленной кинули на батарею сушиться.

— Дэниель Трокич возглавит следственную бригаду, копии всех отчетов ежедневно поступают к нему. Дэн, будь добр, поделись с коллегами, что нам известно на данный момент.

Трокич поднялся со стула и встал рядом с шефом. Поймав взгляд ассистентки отдела уголовного розыска Лизы Корнелиус, он кивнул ей. У него было заготовлено для нее задание, которое ей вряд ли понравится. Вернее, совсем не понравится.

— Лукас Мёрк пропал по пути домой из школы продленного дня вчера после обеда. Он ходил во второй класс и каждый день после уроков посещал расположенную неподалеку продленку, где находился примерно до пятнадцати тридцати, когда один из воспитателей, как правило, отправлял его домой. До дома примерно четверть часа, если идти в его темпе. По словам матери Лукаса, чаще всего он сразу шел домой, а даже если засматривался на что-то по дороге, то ненадолго. Поэтому она и заволновалась где-то в шестнадцать тридцать. Позвонила в продленку, и ей сказали, что ее сын давно ушел.

Трокич закрепил на доске скотчем увеличенную карту Морслета. За его спиной кто-то с характерным треском открыл банку с газировкой, сделал два шумных глотка и с трудом подавил отрыжку.

— Зеленой линией отмечен его всегдашний маршрут. Как видите, путь недолгий. Обычно он проходил мимо церкви, потом шел по Тандервай, оттуда поворачивал к кварталу, где жил.

Трокич показал маршрут на карте.

— По словам воспитателей, мальчика вчера никто не сопровождал. До церкви он добрался благополучно, о чем свидетельствуют родители троих других детей, они видели его, когда забирали своих чад с продленки. Но о том, что произошло потом, сведений у нас ничтожно мало. Со слов его матери, она сама стала разыскивать его, да и отец, вернувшись с работы около

половины шестого, проехался по окрестностям, расспрашивая прохожих о сыне. По словам матери, она сперва решила, что сын перешел улицу и заглянул в супермаркет, чтобы купить сладостей. Судя по всему, у него было двадцать крон на карманные расходы, которые накануне подарила бабушка. Он и раньше пару раз заходил в этот магазин, но опаздывал при этом ненамного. Поэтому она сначала заглянула туда, но ни одна из кассирш Лукаса не запомнила, что, впрочем, можно объяснить большим наплывом покупателей в тот момент.

— А камеры видеонаблюдения у них имеются? — спросила молоденькая Анна-Мария, накручивая на палец завиток рыжих волос.

— Разумеется, и я уже дал задание раздобыть эти материалы. Девушка нахмурилась:

— Но с самим Лукасом что случилось? Разве у него не было с собой мобильного?

— Нет, по словам родителей, не было.

— А какого хрена у него не было мобильного? — пробормотал с заднего ряда молодой оперативник.

— Ну, ему все-таки всего восемь... Было восемь, — неуверенно вздохнул кто-то.

— Вообще-то, — снова заговорила Анна-Мария, — в час пик кто-то непременно должен был его заметить.

— Да, но мы ведь не знаем, как далеко он продвинулся до встречи с преступником, — возразил Трокич и продолжил свое сообщение: — В восемь вечера родители в первый раз позвонили участковому инспектору Дэвиду Олесену. К тому времени уже совсем стемнело и начался сильный снегопад, поэтому Олесен не мешкая собрал поисковую группу из соседей и других добровольцев, они прочесали весь Морслет, но мальчика не нашли.

Двумя часами позже Олесен связался с полицейским управлением в Орхусе и попросил прислать кинологов с собаками. Таким образом сложилась внушительная поисковая группа из полицейских и местных жителей. Одна из служебных собак про-

вела проводника от школы до улицы Хёрретвай, начинающейся сразу за церковью, где и потеряла след.

Трокич сделал паузу и посмотрел на коллег. Затаенная ярость читалась в их лицах. Ведь он рассказывал об огромной несправедливости, о том, что побудило многих из них пойти на службу в полицию. Да, на этот раз недовольства из-за сверхурочной работы, похоже, не будет.

— Они разделили район на зоны и исследовали их с собаками. Мальчика обнаружили сегодня после обеда, примерно в пятнадцать сорок, чуть в стороне от Морслета в речке Гибер О, тело застряло в ветвях растущих на берегу деревьев.

— Наверное, глубокий снег помешал собакам, раз они потеряли след, — подала голос блондинка, имя которой Трокич никак не мог вспомнить.

— Кашмир найдет все что угодно. И в глубоком снегу тоже, — возразил немолодой проводник собаки, нашедшей след Лукаса. — Он сел в машину в начале Хёрретвай. Другого объяснения быть не может.

— Так они что, черт возьми, сразу не доперли искать в реке? Это ж первое дело, когда речь о пропавших детях идет, — возмутился давний напарник Трокича, ассистент криминальной полиции Джаспер Тауруп, и с силой стукнул по столу шариковой ручкой.

— Верно, — согласился Трокич. — Но обнаружили тело недалеко от Морслета, а они поначалу сосредоточили поиски у реки и в других глухих местах в пределах города. Мы по-прежнему работаем на месте обнаружения трупа и считаем, что убили Лукаса не там, а уже после этого бросили в воду. Еще вопросы?

— Да. Сколько лет мне дадут, если я найду эту мразь и влеплю ему пулю в лоб? — спросила Анна-Мария.

— Давайте обойдемся без суда Линча, — посуровел Эйерсун. — Мы все возмущены, особенно те, у кого маленькие дети. Но надо держать себя в руках.

— А вскрытие уже произведено? — Лиза Корнелиус своим вопросом будто угадала, какое задание приготовил ей заместитель комиссара.

— Нет, вскрытие будет утром. — Трокич вздохнул. — Мы, конечно, надеемся, что что-то прояснится, но не забывайте, что тело некоторое время находилось в воде и часть улики восстановить не удастся.

— Нет признаков преступления на сексуальной почве?

— До вскрытия мы этого не узнаем. На данный момент могу только сказать, что тело сильно обгорело. Торбен Бак полагает, что жертва находилась вблизи открытого огня. Завтра попытаемся установить место совершения преступления. Мы много чего еще не обнаружили. Не найден, например, школьный рюкзак. Надо осмотреть места возгораний и поспрашивать местных, не было ли где пожаров в округе. Его, по всей вероятности, убили не слишком далеко от Морслета.

— Стараемся обойтись своими силами, — Эйрсун чуть склонил голову набок, — но если в ближайшее время не добьемся результатов, инспектор даст нам людей из других отделов, он пообещал. Кроме того, я назначил на завтра пресс-конференцию на одиннадцать утра, где изложу детали дела по гибели мальчика. Пока что сохраняется пусть и мизерный, но все же шанс, что удастся отыскать свидетелей, которые видели его после продленки, — помимо тех, кого мы уже опросили.

Узкие губы тронула усталая улыбка.

— Вы же все проголодались небось, вон там на столе бутерброды. Завтра в два встречаемся здесь же.

Тут открылась дверь, и в зал вошел начальник экспертно-криминалистического отдела Курт Тённес, мужчина предпенсионного возраста. Народ, устремившийся было к столу с бутербродами, вновь расселся по местам, выжидательно глядя на вошедшего.

— Я смотрю, никого нет, думал, вы в снегах застряли, — сказал Эйрсун, приподняв бровь. — Есть новости?

Тённес помахал зеленым пакетом.

— Вообще-то нет. Впотьмах уже ничего не разглядеть было. Но по дороге домой я заскочил к владельцам магазинчиков в Морслете и получил записи с трех камер видеонаблюдения. И есть шанс, что на одной из них Лукас, идущий с продленки. Могу предложить заинтересованным лицам фильм для ночного просмотра.

— Да ни к чему все эти просмотры, — пробормотал кинолог. — Кашмир потерял его след в начале Хёрретвай, стало быть, кто-то подобрал там Лукаса на машине.

— И все же записи мы проверим, — кивнул Трокич коллеге.

Полицейские с облегчением вернулись к столу с бутербродами, только Лиза Корнелиус осталась сидеть, рассматривая карту города и фотографию Лукаса.

— И все-таки почему именно его убили?

Трокич собрал бумаги. Его до сих пор преследовал этот жуткий запах, а при мысли о еде начинало мутить. Пожалуй, ужин сегодня отменяется.

— Это, наверное, самый важный вопрос за весь вечер. Завтра поедешь со мной на вскрытие, попробуем со всем этим разобраться.

3

Лиза расправилась с бутербродом со сваренным вкрутую яйцом и креветками, предварительно счистив с него сгусток майонеза.

— Брр, гадость какая, будто птичка снеслась, — скривилась она. Потом поднялась и пошла за Трокичем в его кабинет. Выспаться сегодня явно не светило, они с Джаспером Таурупом решили посмотреть записи с видеокамер.

В углу приглушенно ворчал любимый Трокичем «Раммштайн», Лиза поежилась, услышав тяжеловесные музыкальные фразы.

Несмотря на страшную сегодняшнюю находку, во взгляде синих глаз Трокича ничего не изменилось. Лиза положила перед ним два листка бумаги.

— Тут некоторые данные о преступлениях на сексуальной почве. Эйерсун просил показать их вам.

Трокич сел на стул, выключил, к великому облегчению Лизы, зловещую музыку и налил себе кофе. Хотя рождественские каникулы едва закончились, его стол уже был завален бумагами, пластиковыми чашками, футлярами от компакт-дисков и шариковыми ручками. Складывалось впечатление, что хаос больше всего подходил его стилю жизни. Лиза мысленно улыбнулась, здесь она чувствовала себя как дома.

Лиза работала под началом Трокича почти полтора года. Сперва между ними возникали кое-какие трения, но со временем оба притерлись и относились друг к другу с уважительной симпатией. Правда, она считала его упертым в некоторых вопросах, и — никуда от этого не денешься — к нему иногда действительно было не подступиться. Он был настолько закрыт, что она до сих пор почти ничего не знала о нем, кроме того, что ему под сорок

и живет он один со своим котом в таунхаусе где-то в южной части города. Подробности своей личной жизни с коллегами Трокич не делился, поэтому являлся предметом жгучего любопытства и всяческих пересудов в отделе «А». Но Лизу это ничуть не трогало, для нее главным было то, что ее взяли на работу на полную ставку. А в том, что это заслуга Трокича, она не сомневалась. Она три года прослужила в полиции Копенгагена, где занималась киберпреступностью, в том числе выявлением педофильских сайтов. Последнее надоело ей хуже горькой редьки, и Трокич об этом знал.

Эйерсун высоко ценил Трокича, хотя тот порой действовал по своему усмотрению, что не очень приветствовалось в полицейской среде, где ключевым методом считалась командная работа. Трокич умел находить общее в поведении разных преступников и слыл чрезвычайно талантливым сыщиком.

Лиза сама взяла на себя заботу о произраставших в кабинете начальника растениях и регулярно поливала их в его отсутствие. В том числе и спатифиллум, который секретарша с надеждой в глазах преподнесла ему в подарок на день рождения. Цветок сам по себе выносливый, но не бессмертный, и, если бы не Лиза, он бы давным-давно засох.

Трокич бросил взгляд на бумаги и провел ладонью по волосам, привычным жестом смахнув их со лба. Лизе подумалось, что отпуск пошел ему на пользу. Так хорошо он уже давненько не выглядел. Ладная его фигура казалась окрепшей, густые волосы были коротко острижены. Даже румянец на щеках появился, впрочем, это ненадолго, расследование предстоит тяжелое. Через пару месяцев ему стукнет сорок. Вряд ли он будет праздновать день рождения с коллегами, подумала Лиза.

— Хочешь кофе? — спросил Трокич.

— Нет, спасибо.

Она села напротив и ткнула пальцем в бумаги:

— Эйерсун считает, с ними можно поработать. Здесь список тех, кого нужно проверить в первую очередь. Эти люди живут в радиусе десяти километров от Морслета.

— Ого, ты зря времени не теряла. Сколько их там?

— Четверо. Но, по-моему, двоих можно исключить, они уже в очень серьезных годах. Вряд ли у них сил на такое достанет.

— В серьезных — это сколько?

— Девяносто один и восемьдесят два.

— Да уж, в таких годах и правда не разгуляешься. — Трокич улыбнулся Лизе, что бывало нечасто. Улыбка ему очень шла. — Ладно, этих двоих вычеркиваем. С остальными разберемся после вскрытия. Пока нет повода говорить о педофилии. Насколько знаю, вы с Таурупом сообщили родителям, что тело их сына найдено, и ты считаешь, что в семье нормальные, хорошие отношения.

— В общем да. Обычные добропорядочные люди. Мать работает тридцать часов в неделю, она ассистент зубного врача. Отец заведует складом в порту. У них еще и младший сынишка есть двух-трех лет.

— Да, тяжело с такими известиями в дом являться. — Трокич удрученно потер подбородок с едва заметно проступившей щетиной.

— Да уж, более трудного задания я и не припомню.

Перед глазами Лизы возникла убитая горем супружеская пара. Крик матери, узнавшей, что тело Лукаса найдено, до сих пор звучал у нее в ушах. Женщина ухватилась обеими руками за край клеенки на кухонном столе, чашки с только что заваренным кофе и сахарница полетели на пол. А потом она с неожиданной силой вытолкала Лизу и Джаспера из квартиры и захлопнула дверь. На улице Лиза, застыв как изваяние, глядела на здание, сквозь стены которого будто просачивались жуткие животные причитания и стон. Страхнув с себя оцепенение, она сбежала оттуда, сгорая от стыда и с невыносимым ощущением собственной никчемности и беспомощности.

— Мне кажется, новость не стала для них неожиданной, — она подняла взгляд на Трокича. — Но не потому, что он так долго отсутствовал. Просто они всю ночь представляли себе такую картину. Но ведь люди живут надеждой.

— Ты когда в Амстердам едешь? Мне надо дату записать, чтобы не забыть, что тебя не будет в такие-то дни.

Лиза вздрогнула. Во всей этой суматохе у нее совершенно вылетело из головы, что ее отрядили на курсы или семинар по профайлингу, методу, о котором так жарко спорят.

— В понедельник. Но, может, теперь мне не ехать? — засомневалась она и повысила голос. — Поездку придется отменить.

— Поговори с Эйерсуном, это его епархия.

Лиза открыла было рот, собираясь что-то сказать, но передумала. Трокич прав. Этой частью бюджета в отделе заведует Эйерсун.

— Завтра заедем пообщаться с родителями. А пока надо выяснить, нет ли к ним претензий со стороны органов соцзащиты. Да, и еще, надо со всеми учителями продленки переговорить. А я проверю историю болезни Лукаса.

— Но мне кажется, родители... Вы бы видели их реакцию.

— Ты права, но тупая статистика требует проверить и родителей, прежде чем исключать их из списка подозреваемых. Надеюсь, они к делу отношения не имеют, но пока у нас есть только их заявление о пропаже сына, а от их дома до речки несколько сот метров. Да и, как я уже сказал, мне хотелось бы, чтобы ты пришла завтра на вскрытие. Зрелище не из приятных, но пара лишних глаз очень бы пригодилась. Я за тобой с утра пораньше заеду, но не на служебной машине, а на «Цивиче». От такого предложения ты не сможешь отказаться.

Лиза не стала говорить, что ей совсем не улыбается перспектива присутствовать на вскрытии, и не стала делать большие глаза при упоминании «Цивича». Накануне Рождества Трокич приобрел «Хонду-Цивик» с автоматической коробкой передач. И это Трокич, который никогда не интересовался автомобилями и всю жизнь ездил на консервных банках, самой дорогой деталью которых была магнитола. Так продолжалось до прошлой осени, пока ему по служебной необходимости не пришлось перегонять конфискованную «Хонду». С тех пор его стали замечать за чте-

нием автожурнала за обедом, он стал расспрашивать коллег о достоинствах и недостатках этой марки. И вот наконец Трокич стал владельцем вожаденного транспортного средства. Джаспер на утренней летучке невинно поинтересовался, не называют ли в Хорватии машину этой модели «Цивич», и с тех пор приобретение Трокича иначе никто в отделе не называл.

— Ух ты, здóрово! — воскликнула Лиза. — Можно я поведу?

— Никак нет, — рассмеялся Трокич. — Как дела у Якоба?

— Замечательно. — На секунду боль от мысли о Лукасе отступила, и перед глазами Лизы возник светловолосый красавец-полицейский с тонкими чертами лица. Они были вместе уже полтора года.

— Нам потребуется помощь Райса. Я хотел бы, чтобы он поехал с нами.

— Я тоже, — улыбнулась Лиза. — Ладно, пойду к Джасперу смотреть видео.

4

Холод, он в каждом человеке сидит, маленькими льдинками обкладывая душу. Так думал житель одного из коттеджных кварталов Морслета, пятнадцатилетний Стефан Йоргенсен, ковыряя вилкой давно остывшую на тарелке лазанью и искоса поглядывая на сидевших напротив родителей. Сегодня в конце дня он узнал, что найдено тело Лукаса, и с тех пор у него жутко сосало под ложечкой. Он успокаивал себя, что ошибается, что убийство никак не связано с тем ужасом, что они сотворили вместе с одноклассником Томми. И все же сердце было не на месте. Трагедия попала в вечерний выпуск новостей, который родители смотрели с окаменевшими лицами. Хмурый журналист с подрагивавшими губами сказал, что на данный момент полиция обладает весьма скудными сведениями о произошедшем.

Да и среди соседских детей, вечером игравших в снежки и споривших об этом деле, нарастало внутреннее напряжение, граничившее с паникой. Кто же убил Лукаса? И не совершит ли этот преступник еще одно убийство в городе? Версий ходило великое множество, но самая распространенная говорила об *извращенце, заманивающем детей*. О ком-то жутком и непонятном, кого все дети боялись, потому что никто не знал, как такой извращенец на самом деле выглядит. Предположений также было выдвинуто немало. Большинство сошлись во мнении, что это мужчина. Пожилой. Кое-кто из малышей говорил, что дядя был с усами, в черном комбинезоне, а уши у него покрыты мхом.

Стефан Йоргенсен был уже достаточно взрослый, чтобы поверить в такую дребедень, хотя дрожь не раз пробирала его, когда

он слушал эти красивые сказки, так что начинающаяся массовая истерия захватила и его. Но животом он маялся вовсе не по этой причине.

— Что с тобой? — Мать потеряла уставшие глаза. Она работала медсестрой и с каждым дежурством — неважно, дневным или ночным — выглядела все более измотанной и вечно жаловалась на несправедливо распределяемую нагрузку и условия труда в больнице Скайбю. Он звал ее радаром, поскольку, какой бы уставшей ни была, она всегда догадывалась, когда что-то шло не так, как будто была незримо связана с больничной аппаратурой, улавливающей малейшие изменения в состоянии пациента. Мать протянула руку над столом, убрала прядь волос, упавшую ему на глаза, и изучающе воззрилась на сына. Словно хотела найти ответ на какой-то незаданный вопрос. Он отвел взгляд, зная, что самого мимолетного зрительного контакта ей достаточно, чтобы через зрачки, минуя зрительный нерв и мозг, заглянуть в самые глубины его существа. А там ей открылась бы ледяная пустыня. Ему почудилось, будто белые стены кухни стали сужаться, словно собираясь сложиться и задушить его. Больше всего Стефану хотелось сейчас очутиться в своей комнате, забраться на диван и остаться одному.

— Да нет, ничего такого, просто задание по математике завтра сдавать надо, — соврал он.

Стефан сунул в рот бледно-розовый помидорчик черри и языком прижал его к нёбу. Помидор был одновременно и кислый, и сладкий, и вкус его заставлял вспомнить лето.

— Да это только поначалу так кажется, а стоит начать — постепенно втянешься, — заметила мать. — И потом, всегда можешь сказать, если совсем запутаешься. Папа тебе поможет.

— Угу, — пробормотал отец, не поднимая глаз от тарелки.

От этого «угу» у Стефана заньло в животе. С математикой отец ну никак не мог ему помочь. Ему уже после третьего класса задачи Стефана стали не по плечу. Но этот факт они оба, не сговариваясь, не обсуждали.

Он доел лазанью на голубой тарелке, взял для вида еще один индийский огурчик, поблагодарил за ужин и поднялся с места. И весь путь от кухни до своей комнаты чувствовал, что в спину ему, точно шприц, впивается взгляд матери.

«А вдруг меня в тюрьму посадят, если я расскажу все, что знаю?» — подумал Стефан и растянулся на постели. То, чем они с Томми занимались на футбольном поле прошлой осенью, в день, когда там никто не играл, было ужасно, даже жестоко, это он теперь понимал. Они друг друга так завели, что не могли остановиться и перешли все дозволенные границы. Пусть на Томми произошедшее подействовало не так сильно, но даже тот побледнел, когда они позднее как-то раз заговорили об этом. Впрочем, закрыв глаза, Стефан по-прежнему видел перед собой кучу разбросанных темно-желтых листьев и раздавленные грибы, чувствовал запах влажной от дождя земли и слышал крик девочки. Громкий, пронзительный крик.

Но *они не одни* такие. Это он уже потом выяснил. Еще в одном месте в этом маленьком городке другие люди хранили такие же тайны, страшные и даже более жуткие. Но если кому-нибудь об этом рассказать, то придется признаться и в своих художествах. А для этого надо быть уверенным, что эти события не связаны между собой. Но точно ли между ними нет связи? И может ли он быть уверен в этом?

По сравнению с некоторыми сверстниками Стефан жил очень даже неплохо. Пусть хотя бы по местным, морслетовским, меркам. После конфирмации два года назад ему выделили самую большую комнату в доме. Там нашлось место как для письменного стола, так и для столика для ноутбука марки «Делл». Подростку надо развиваться, считала его мать, она помогла ему обустроить жилище, раздобыв отличный рекламный плакат к фильму «Эрагон» и небольшой телевизор, подвешенный сейчас под потолком. Родители относились к нему хорошо, это Стефан знал наверняка. Его никогда не били, разговаривали с ним вежливо и спокойно. Просто они как бы *отсутствовали* в его жизни.

П я т н и ц а , 5 я н в а р я

Даже когда были рядом в чисто физическом смысле и проявляли заботу о нем, казалось, мысли их были далеко от сына. Но как бы они повели себя, если б узнали, что он наделал? Его всякий раз начинало тошнить при воспоминании об этом.

И об уликах, свидетельствовавших о содеянном. Они образовывали замкнутый круг. Они жили где-то в другом месте, эти безмолвные силы зла в цифровом формате.

5

Ночь, словно тяжелое черное одеяло, накрыла таунхаус из красного кирпича. Дэниель Трокич жил здесь уже двенадцатый год, с тех пор как вернулся в Данию после нескольких лет, проведенных в Хорватии, и даже не представлял, как бы он смог жить в другом месте. Дом находился в Хойберге, южной части Орхуса в семи минутах езды от центра города и управления полиции. Ему фантастически повезло с ценой на это жилье, и, хотя в его распоряжении было всего лишь семьдесят квадратных метров и только одна спальня, он даже в мыслях не собирался куда-нибудь переезжать. Трокич очень ценил этот район, который благодаря своему расположению скорее являлся пригородом Орхуса, нежели его частью. Это был дом, куда он мог спокойно вернуться и чьи стены видели так много из того, что случилось в его жизни.

На полу в кухне валялись керамическая тарелка и кусок пищевой пленки. Хотя ранее на тарелке лежали две превосходные колбаски чоризо, которые он забыл убрать в холодильник накануне вечером.

— И что это значит? — Трокич посмотрел на кота, указывая на пол и пустую тарелку. Пушок сидел на кухонном столе и старательно вылизывал длинную черно-белую шерсть. Услышав голос хозяина, кот спрыгнул на пол и направился в гостиную. Если Трокич правильно понял, кот вознамерился опередить его и первым забраться на хозяйское кресло. Самому же хозяину, как водится, предстояла ссылка на диван. Кот не одобрял зиму и вообще любые погодные катаклизмы, поэтому большую часть

времени проводил дома. Иногда Трокич выгонял его на террасу, но Пушок, посидев с недовольным видом пару минут на холодной плитке и принухиваясь, плелся к задней двери, в которой для него была пропилена специальная дверца, и с облегчением возвращался в домашнее тепло.

Трокич вздохнул и поднял с пола тарелку. Аппетита не было, так что потеря колбасок оказалась хоть и огорчительной, но отнюдь не смертельной. Тем более что колбаскам нашлась недурная замена. Он открыл хранившуюся в загатнике бутылку «Зубровки», полученную в подарок от недавно освободившегося польского наркобарона, который за время пребывания за решеткой решил перевоспитаться и взяться за ум, налил треть стакана, достал из холодильника яблочный сок и долил в стакан до верха.

Открывая входную дверь, он надеялся, что быстро вернется в нормальное для себя состояние. Неважно, собирался он еще поработать над делом или нет, все теперь решала добрая его воля, хотя, как правило, по вечерам он давал мозгам передышку от дневных забот. Это, без сомнения, объяснялось здоровым цинизмом, качеством, приобретенным за долгие годы службы в полиции и пребывания в Хорватии во время боевых действий. Включалась система самосохранения.

Бывали, правда, исключения, хотя и редко. Вот и теперь Трокич обнаружил, что картинки с места обнаружения тела Лукаса стоят у него перед глазами, а подсознание работает вовсю. Что же представляет собой эта личность, так беспощадно отнявшая жизнь у еще толком не начавшего жить мальчика? Что побудило преступника затянуть леску на шее Лукаса? Ожесточение души? Абсолютное хладнокровие? И как это увязать с жаром пламени, от которого так явно пострадало тело жертвы?

Водка с соком оказалась в самую меру крепка, но недостаточно холодна. Это была «Зубровка» польского розлива, вкус и цвет ей придавала плававшая в бутылке душистая травка. Травка эта водится в Беловежской пуще в северо-восточной Польше и Беларуси, говорят, в тех местах, где зубры справляют большую

нужду. У «Зубровки» чувствовался привкус ванили, Трокич помнил его с юных своих дней в Хорватии, когда они с братьями с превеликим удовольствием потягивали коктейль из «Зубровки» и яблочного сока, называвшегося почему-то шарлоткой. Нынче он отдавал предпочтение красному вину.

Трокич взял стакан, бутылку с остатками водки и перешел в гостиную, прихватив с собой стопку уже прочитанных бумаг. Он намеревался просмотреть их еще раз, но мысли были заняты совсем иным. Он откинулся на спинку дивана и стал разглядывать висевшие на серо-зеленых стенах красочные пейзажи небольшого формата, ожидая, когда начнет действовать водка. Жилище его не отличалось уютом — какой тут уют, если оно было завалено старыми книгами, которые хозяин никогда не читал, комнаты обставлены простой и разнотильной мебелью, больше всего места занимала музыкальная аппаратура. Ну и эти вот картинки, написанные кузиной Трокича Синкой.

Мысли заместителя комиссара незаметно для него самого вернулись к его последней поездке в Хорватию. Ему пришлось разбираться с исчезновением Синки. Нужно было обдумать вновь поступившую информацию. Но нет, сейчас не время. Это может подождать.

Однако душевного спокойствия он не обрел и, впервые за долгое время включив телевизор, поставил диск с концертом «Раммштайна» в Ниме. Стереосистема стоила бешеных денег, не говоря уже о полноразмерных наушниках, которыми он пользовался, дабы не мешать соседям. А вот телевизор его давно уже вступил в преклонный возраст и теперь представлял собой скорее музейный экспонат. Пульты управления в доме не было с тех пор, как одна из многочисленных случайных знакомых опрокинула на него бокал с пивом. К счастью, штекер наушников подходил к разъему телевизора. Трокич уселся поудобней и занялся приведением мыслей в порядок под тяжеловесные, словно грузовик, звуки музыкального шоу с языками пламени, дымом, вакханалией световых эффектов, фейерверками и черным маникюром.

Его разбудил телефонный звонок. Трокич, не открывая глаз, снял наушники, нащупал на столе мобильник.

— Это Джаспер, — сообщил голос в трубке. — Ничего, что так поздно?

— Зависит от повода.

— Мы с Лизой просмотрели камеры всех магазинов.

Трокич взглянул на часы. Половина второго ночи. Его слегка подташнивало. Вот что значит пить водку без закуски.

— Нашли что-нибудь?

— Поэтому и звоню, чтобы поставить тебя в известность. Мы в этом почти уверены. Надо, правда, увеличить кадры и сделать их почетче, но этим Лиза займется с утра. На одном кадре, похоже, Лукас со школьным рюкзаком, с которым он, как говорят, ходил в школу. На внешнем кармашке должна быть большая божья коровка, насколько я помню. Камера поймала его, когда он проходил мимо витрины булочной.

Сон окончательно слетел с Трокича. Он машинально потянулся за сигаретами, лежавшими на столе, вытряхнул одну из пачки, щелкнул зажигалкой. Глубоко затянувшись, спросил:

— Рядом с ним кто-то есть?

— Нет, рядом никого нет, но вот на другой стороне улицы кто-то стоит.

— Мужчина?

— На сто процентов не уверен. Но думаю, что мужчина. По-моему, он просто стоит и как будто наблюдает за Лукасом. И чего-то ждет.

Суббота, 6 января

6

Сисель заворочалась, пытаясь проснуться, и больно стукнулась затылком об изголовье кровати. На дворе было полутемно, и, даже не взглянув на лежавшие на ночном столике наручные часы, она знала, что сейчас полвосьмого утра. Еще минутку она полежала, рассматривая лепной потолок и стараясь отогнать ночной кошмар. Сперва ей приснилось, что она ныряет в Плюрагротту¹ в Норвегии и у нее порвался костюм, а это означало гипотермию и верную скорую смерть. Потом ей приснился будильник, издававший долгие дребезжащие звуки. Тревожные. Настойчивые. И такие правдоподобные, что еще долго звучали в ушах после пробуждения. Сисель облизнула сухие, потрескавшиеся за ночь губы. У нее сильно колотилось сердце. Она постаралась успокоить дыхание, делая глубокие равномерные вдохи.

Она села на постели, закутавшись до подбородка в перину, и поглядела в окно. Все годы, что Сисель занималась дайвингом, ей ни разу не снились сны, связанные с погружением под воду, хотя сама стихия в ее снах часто напоминала о себе в самых причудливых видах. Возможно, сегодняшний сон навеяли ей разговоры о речке. Или сработало подсознание, ведь она слышала о случившейся трагедии. Вид на речку Гибер О открывался сразу из нескольких окон. Занимался рассвет, стали видны искривленные стволы деревьев, точно стражники стоявшие вдоль русла, и красно-белые ленты полицейского ограждения. Приехав в Морслет накануне, она сразу почувствовала, что случилось

¹ Плюрагротта (*dam. Pluragrotta*) — пещера в коммуне Рана на севере Норвегии, самая глубокая в Северной Европе.

что-то нехорошее. Казалось, город ее детства горестно замер. На морозных улицах переговаривались то тут, то там стайки перепуганных жителей. Возле дома на берегу Сисель увидела полицейских в гражданском и спросила, что произошло. Услышав об убитом мальчике, она почувствовала, как в желудке образовалась невообразимая тяжесть, и это ощущение не оставляло Сисель до конца дня. Неужели злой рок так подшутил над ней, ведь мальчика убили именно тогда, когда она вернулась в родной город? Полицейский сказал, мальчика звали Лукас. Фамилию он не назвал, и теперь Сисель терялась в догадках, знает ли она его родителей.

Наконец она заставила себя спустить ноги на пол, осмотрела их, признала, что они нуждаются в эпиляции, и вскочила с постели. Бросив взгляд на кучу одежды, сваленной на пол, выудила из нее «найковский» костюм и спустилась по лестнице в кухню. Дом она арендовала у своих давних друзей Метте и Сёрена. Они искали человека, чтобы тот присматривал за домом, пока они колесят по Новой Зеландии, и Сисель охотно согласилась, надеясь в тишине и покое засесть за дипломную работу по морской археологии. Дом построили в двадцатые годы прошлого века, и достался он Сёрену и Метте в наследство. Он был выкрашен в бежевый цвет, назывался Муспельхейм и неплохо смотрелся со своими красивыми линиями и окнами с переплетом. Весьма большой дом — для своего времени, конечно. Примерно триста квадратов, если брать все три этажа. Сисель, правда, не спускалась в подвал, а большинство помещений были закрыты и не освещены ради экономии энергии. Она знала, что здесь еще многое следовало привести в порядок. Многие вещи нуждались в замене. Плита жрет немерено электроэнергии, кухонный стол низковат и к тому же весь в царапинах, а желто-зеленый линолеум потрескался и вздыбился вдоль плинтусов. Из кухни можно пройти в три гостиные — светлые, просторные, с хорошо сохранившимися лепными потолками, они составляли главную гордость дома. В одной даже была дровяная печь, но Сисель ею еще не пользовалась.

С чашечкой кофе она прошла в зимнюю гостиную с окнами, выходящими на запад, в сад, то есть в противоположную от речки сторону. Вчера она сложила здесь свои книги, необходимые ей для работы. Сисель выглянула в темный сад и обнаружила, что снег под окнами примят. Кто это здесь шастал? Косуля, наверное. Похоже на ее следы. Она подивилась, что косули заходят так далеко от леса.

Покачиваясь в кресле-качалке, Сисель раздумывала, не совершила ли ошибку, приехав сюда. Она чувствовала себя отрезанной от мира, слабой и незащищенной, а странный звук или, вернее, звонок из кошмарного сна все еще звучал у нее в ушах. Впрочем, не успела она допить кофе, как дурные предчувствия улетучились, словно воздух из проколотого воздушного шарика. Сисель снова вернулась к действительности. Вот теперь и душ можно принять, а то после вчерашней поездки голова выглядит совершенно непотребным образом.

В это мгновение в дверь постучали. Она машинально взглянула на наручные часы и с удивлением обнаружила, что всего лишь восемь часов. Не представляя, кому могла понадобиться в такую рань, и торопливо приглаживая на ходу волосы, она пошла открывать.

Двое полицейских в гражданском, осыпанные снежными хлопьями, показали свои служебные жетоны. Сисель сперва подумала, что они пришли из-за машины, которую она вчера довольно неудачно припарковала. Но вряд ли они из-за такой мелочи постучались бы к ней в такую рань.

— Криминальная полиция. Меня зовут Джаспер Тауруп, а это мой коллега Мортен Лин. Можно задать вам пару вопросов?

— О чем?

— Как вы, наверное, заметили, вчера у реки было многолюдно. Там нашли тело убитого мальчика.

— Да, я видела полицейских, даже говорила с одним из ваших коллег. Жуткая история, но я приехала поздно и только на пару недель, так что вряд ли смогу быть вам полезной.

Полицейский, обращавшийся к ней, вытянул шею и заглянул ей за спину в коридор. И принялся. Как будто запахи в доме могли дать ему ключ к разгадке тайн самого дома. На вид он был не старше ее, где-то около тридцати, с бледным лицом и неровной, бугристой кожей — видимо, последствия юношеских прыщей.

— А где же хозяйева?

— В Новой Зеландии. Уехали в отпуск на несколько недель.

— Давно?

— С Рождества.

— То есть все это время в доме никто не жил? — узкие губы полицейского растянулись в скептической улыбке.

— Да ведь всего две недели прошло.

Они обменялись взглядами.

— Мы осматриваем дома в округе. Вы не против, если мы зайдем? — полицейский смахнул с лица снежинки.

Сисель прикусила губу. Конечно же, она против.

На полу в ванной валяется грязное белье, на кухне остатки вчерашнего ужина, а содержимое чемодана она вывалила прямо на пол в спальне. Но какая разница, если им надо, они все равно войдут. Сисель распахнула дверь.

— Пожалуйста.

— Скажу как есть, — темно-русый полицейский с бледным лицом отряхнул снег с обуви на половичке. — Мы пока не нашли место, где убили мальчика, и продолжаем поиски. Желательно обнаружить это место как можно скорее, если его вообще удастся отыскать. Вы после приезда были в подвале, на чердаке, в сарае и так далее?

— Нет, но никаких признаков взлома или...

Она осеклась, и перед глазами у нее замелькали кадры с мест преступлений из кровавых детективов. Правда, вчерашний полицейский сказал, что мальчика задушили. Значит, крови не было?

— Полной уверенности у нас нет, но по кое-каким признакам можно судить, что он сопротивлялся, и к тому же мы не нашли

его школьного рюкзака. Вы ничего здесь вчера по приезде не убирали? Может, что-то валялось в беспорядке?

— Нет, все было прибрано.

— Вы случайно не видели, не было ли пожара поблизости?

— Нет, ничего такого не видела.

— Ну что ж, если у вас все в порядке, я с вашего позволения пройду по дому, посмотрю, а коллега Мортен побудет с вами.

— Да-да, конечно.

Сисель впустила полицейских и закрыла входную дверь.

— Хотите кофе?

— Нет, благодарю. Нам надо еще несколько домов осмотреть, которые по берегу расположены, так что обойдемся без кофе. Я начну сверху, а потом спущусь вниз, — с этими словами темноволосый полицейский исчез на лестнице, ведущей на второй этаж.

Сисель налила себе кофе, села за кухонный стол и стала ждать, искоса поглядывая на хмурого полицейского, пока еще не проронившего ни слова.

— Можно узнать фамилию мальчика? — наконец спросила она. — Я ведь жила здесь, возможно, его родителей знаю.

— Мёрк. Лукас Мёрк, — сообщил Мортен Лин.

Сисель прикусила губу, вспоминая знакомых с детских лет обитателей городка.

— Так он сын Карстена Мёрка? По-моему, я его знаю. Но лично мы незнакомы.

— Да, это его отец.

Карстен Мёрк был лет на десять старше, но Сисель его помнила, его младший брат учился с ней в одном классе. Это был такой рослый и сильный парень, он избегал чужих взглядов и редко когда вступал в разговор.

С чердака доносились звуки шагов второго полицейского. Из крана на кухне капала вода. Пару минут Сисель прислушивалась к падающим на стальное дно мойки каплям, потом резко встала

и завернула кран. Из кухонного окна она увидела, что к месту, где обнаружили тело Лукаса, подошли три фигуры, двое взрослых и ребенок. Один взрослый, как бы защищая его, приобнял ребенка за плечи, а другой, встав на колени, положил на снег цветы. У Сисель защипало в глазах.

Проводивший осмотр полицейский открыл дверь, ведущую в подвальный этаж. Чем-то погромыхав там, он через пару минут вернулся на кухню.

— Замечательная коллекция вин у ваших друзей, — сообщил он. — Но кроме нее, ничего там нет. Мы еще в сарай заглянем, и на этом все.

Тремя минутами позже полицейский, которого звали Джаспер Тауруп, широко ей улыбнулся.

— В сарае тоже ничего примечательного нет. Благодарим за помощь и хорошего дня.

— Не за что.

Сисель уже собиралась закрыть за ними дверь, как вдруг он спросил:

— Это ваша машина припаркована на встрече?

И подмигнул.